

С каким удовольствием бродил Юра, отрешаясь от городской суеты, в одном из своих любимых мест прогулок, — в Печерах! Ему нравились и тишина, и безлюдность, и заросшие густой зеленью склоны горы, с которой открывался изумительный вид на Волгу, на луга. Он с гордостью и влюбленностью показывал иногородним друзьям Печерский монастырь, где была написана Лаврентьевская летопись. Юра всей душой радовался, когда гости нашего города восторженно любовались заволжскими далями, монастырем, который раскинулся посреди горы. При этом очень любил цитировать Владимира Соллогуба: «Если когда-нибудь придется вам быть в Нижнем Новгороде, сходите поклониться Печорскому монастырю. Вы его от души полюбите. Уже подходя к нему, вы почувствуете, что в душе вашей становится светло и безмятежно... и существование ваше станет вам яснее от одного взгляда на роскошную картину приволжского берега».

Юра подчеркивал, что все это находится совсем недалеко, можно сказать, в центре; такими тихими уголками может похвастаться не каждый город.

От нашего дома мы шли пешком, прихватив с собой борзых. Это занимало минут двадцать. Иногда доезжали трамваем до Сенной площади, проходили мимо мечети и спускались вниз.

Наше с Юрой детство прошло здесь. Мы с ним вспоминали, что раньше возле завода имени Ульянова была слобода Кошелевка, которую почему-то снесли и на ее месте сделали асфальтовые дорожки. Осталась только отдаленная слобода Печерская, которая начиналась за монастырем. Вспоминали, как шли купаться на берег Волги, а по дороге заходили на родник набрать в бидончики и фляжки родниковой воды. Родник этот был крытый, его любили и берегли, хотя не помню, чтобы там допускались какие-то безобразия. В те времена культура общежития была, безусловно, на более высоком уровне. А как было приятно забежать в этот домик, где журчал родник, после того, как накупаешься на берегу под летним горячим солнышком. Войдешь в эту прохладную благодать, ополоснешь лицо холодной родниковой водичкой, — и уже веселее поднимаешься в гору с друзьями.

Теперь на месте слободы Кошелевка остались бесхозные сады, которые буйно и вольготно зацветают по весне. А какая там сирень!.. А черемуха!..

Вспоминаю, как давний и очень близкий друг Юры со студенчества, ученый-орнитолог доцент Василий Неручев устраивал нам орнитологические экскурсии по Печорам. Происходило это или во время весеннего прилета или осеннего отлета птиц. Встречались мы у трамплина, когда солнышко только-только поднималось над Волгой. Какое это было счастье! Мы бродили по дорожкам, и Василий, страстно влюбленный в орнитологию, показывал нам и рассказывал о каждой птахе, учил нас различать голоса отдельных птиц в общем разнообразном птичьем песнопении. Это было время нашего горячего увлечения орнитологией. Мы учили названия птиц по-латыни из тех книг, что были собраны у Юры раньше, и по тем книгам, которые нам любезно помогала приобретать Галина Подарова, которая в то время работала директором магазина «Наука».

Припомнился один забавный случай в том самом магазине. Мы заказали книгу шведского ученого Кай Карри-Линдала «Птицы над сушей и морем. Глобальный обзор миграций птиц». Москва. Мысль 1984 г. Позвонил Галина Сергеевна и сказала, что книгу прислали, приходите. Мы с Юрой тут же побежали на улицу Горького в магазин. Спрашиваем у продавщицы, она достает и кладет ее на прилавок. Я собралась уже идти платить в кассу, но вдруг продавщица внимательно посмотрела на Юру, видимо, узнав его, и говорит строгим голосом:

— А я вам эту книгу не продам.

Юра растерялся:

— Почему?

— А потому что вы не ученый, а поэт, а эта книга специальная, для ученых.

Измумлению Юры не было предела. Он так обиделся, что у него по-детски задрожали губы. Потребовал Галину Сергеевну, но ее не оказалось на месте, тогда он стал объясняться с продавщицей. Надо было разряжать обстановку. Я взяла его под руку и вывела на улицу, сказала, чтобы он покурил пока здесь. Пришла, заплатила в кассу, взяла книгу и вышла к Юре. Он нервничал и негодовал. Я посмеялась, а потом по дороге мы уже вместе смеялись над издержками славы Адрианова. По-моему, продавщице просто было скучно стоять за прилавком, вот и вся проблема.

После таких экскурсий мы поднимались наверх, к Сенной площади, проходили через весь Откос, провожая Василия до пединститута, на площадь Минина. Василий Васильевич там преподавал на биофаке, и лекции начинались у него в восемь часов утра. Незабвенная пора общения с прекрасным, богато одаренным человеком!

Как-то осенним солнечным утром пошли мы с Юрой в Печоры. Взяли с собой двух наших борзых. Погожая погода вносила в душу такое умиротворение, что не хотелось ни одним словом нарушать тишину осени. Вышли на его любимую дорожку, с которой открывался

обзор далей, лугов... Внизу красовался Печерский монастырь. Юра всегда в этом месте останавливался и подолгу, молча, всматривался в дали.

Прошли дальше и увидели несколько мужиков, сидевших на самом краю горы. Они даже не слышали, как мы подошли. Но самое интересное, что не заметила нас и собачонка, которая сидела рядом с ними и заморожено (другого определения не могу найти) смотрела вдаль. Это была маленькая, рыже-серая лохматая дворняжечка. Юра подал мне знак остановиться. Я взяла наших собак на поводок, чтобы не спугнуть дворняжку. Мы все — и Юра, и мужики-работяги, и наши борзые, и эта собачонка, — все наслаждались красотой, которая окружала нас. Волга уже отливала чистой синевой, которая появляется осенью. На воде — ни ряби, так тиха вода, как и этот теплый солнечный осенний день. На горизонте — дымка, и во всем ощущается такая благодать, что хочется замереть, чтобы не спугнуть этого чуда. Только осенние листья, багряные, желтые — падали тихо под ноги.

Один из мужиков медленно оглянулся, увидел нас и смутился, будто мы застали его за чем-то очень личным, чего бы он не хотел показывать посторонним. Мы, конечно, нарушили его лирическое состояние, «влезли в душу». Он нарочито грубовато толкнул в плечо мужика, что сидел рядом. Они поднялись. Оказывается, рабочие делали у дорожки бордюры. Заметила нас и дворняжка. Она растерялась и сбобела перед борзыми. Но наши собаки не драчливые, и они сразу подружились.

Оставался сидеть только один рабочий. К нему подошел мужик, который первый увидел нас, и протянул рукавицы. Тот медленно встал, потянувшись с удовольствием и сказал как бы за всех нас:

— Господи, какая благодать-то!.. Не налюбуйешься!..

Мужики хмыкнули, посмеялись над чем-то своим и принялись за работу. Мы медленно брели с Юрой по дорожке. Помню, как он поразился, насколько все живое чувствует красоту! Ведь эта собачонка определенно любовалась всем, что видела вокруг себя, и ее душа наслаждалась раскинувшимися далями, теплым солнечным днем.

Часто спускались мы с Юрой к Волге и шли километра два берегом до действующей Печерской церкви. Дорога идет вдоль Гребного канала, где проходят соревнования. А на другом берегу — Печерский остров, вернее сказать, полуостров, который появился после того, как сотворили Гребной канал в начале 70-х годов, и сделали насыпную дамбу.

А раньше, помнится, до этого места можно было дойти бродом. Мы с Юрой радостно вспоминали, как ходили туда в то время «каждый сам по себе». Переходили от Ульяновского завода до этого острова вброд. Идешь, а в ноги тебе тычутся мальки, набегая стайкой, а наткнувшись, стремительно расплываются в разные стороны. Можно было идти по мелководью, любуясь солнечными бликами на ряби чистого песка под водой, и вдруг темная бездна воды бросит тебя в такую глубину, что какое-то расстояние приходится плыть, а потом опять ткнешься в отмель. Идти надо было довольно долго, при сильном течении. Зато когда доберешься до берега, охватывает такая радость — никого, ни одной души!

Я очень любила уходить туда со своей собакой, которая радостно носилась по берегу. А мне надо было только читать стихи, петь песни, прыгать и бегать вдоль берега, чтобы меня никто не слышал, не видел и не осуждал мои чудачества.

Итак, мы с Юрой идем вдоль берега Волги. Действующая церковь стоит в середине горы, а внизу, у ее подножья — святой источник. Сюда приходят и приезжают все, от мала до велика. Источник обустроен очень любовно: аккуратно стоят скамеечки, выше — крест, украшенный цветами, живыми в летнее время. Как песнопевно звучит вода! Успокоит, каждого приветит, освободит от жажды.

Юра очень любил приходить сюда. Уже и водички наберем, отсидев очередь, а иногда и без очереди наполнив канистру, а уходить не хочется, и мы подолгу оставались у источника, любуясь берегом напротив. А сколько встреч было разных! Вот идут старушки с бидончиками. Подошли к кресту, помолились и — к родничку. Набрали водички и по лестнице поднимаются наверх, в церковь, освятить. Их неспешность успокоительна.

Как-то в конце октября сидели мы около родника. Было пасмурно, дул пронзительный ветер. Народу было немного. Подошла пожилая женщина, очень тепло одетая. Спросила, за кем занимать очередь. Отошла встала недалеко от нас. День был холодный, казалось, вот-вот посыплет снег. Женщина стояла и задумчиво смотрела на Волгу. Вдруг неожиданно, больше для себя, тихо произнесла:

— Остывает, милая.

Это было сказано так проникновенно! Юра резко вскинул на нее глаза и глубоко, по-адриановски, молчал. Потом задумчиво произнес:

— Как жаль, что я об этом уже писал!..

Я поняла, конечно, о чем он говорит. Юра имел в виду очерк «Волга стынет...», в котором герой очерка, шкипер, говорит о предзимней Волге: «Стынет, родимая...».

Юру почти всю дорогу молчал. Второй раз в жизни он услышал то, что впервые услышал еще в юности. Вечером сказал:

— Какой народ у нас талантливый, как все тонко чувствует!..

Эти слова я помню всю жизнь.

Были у этого источника встречи и очень веселые. Как-то сидели мы с Юрой среди большой очереди. День был летний, жаркий. От родника веяло приятной прохладой. И впереди нас и после народу было немало. Подошли двое неказистых мужичков с небольшими канистрами для воды, спросили очередь и сели недалеко от нас. Беседовали о чем-то своем, незамысловатом. Затем один из них поначалу начал рассказывать своему приятелю, а затем всем присутствующим, что вода в этом источнике и впрямь не простая, а серебряная. А сделать такой вывод заставила его история, с ним приключившаяся. Однажды он набрал воды в этом источнике, пришел домой, поставил чайник с водой вскипятить и уснул. Проснулся, когда вода уже выкипела. Открыл чайник, посмотрел, а там — «серебряные шарики» катаются. Все рассмеялись, а его приятель сквозь смех сказал:

— Так это у тебя чайник расплавился, а никакие не «серебряные шарики»!..

Но мужичишка не хотел расставаться со своим убеждением, и твердил, что это серебро осталось от выкипевшей воды. Сначала все сдержанно смеялись, затем стали заразительно хохотать. Как по-детски заливисто смеялся Юра, я передать не могу! Подъезжали люди, и когда узнавали, в чем дело, присоединялись и тоже хохотали. Мужичок, который рассказал эту историю, поначалу очень на всех обиделся, а потом, подхваченный всеобщим весельем, тоже присоединился ко всем и смеялся. Вспоминаю, одно время у нас с Юрой была поговорка; иногда я забывала чайник на плите, и вода в нем долго кипела. В таких случаях Юра озорно говорил мне:

— Там еще «серебряные шарики» не появились?..

Были и такие встречи, которые своей трагедией задевали души всех, кто это видел. К сожалению, они происходили в отсутствие Юры, о чем он очень жалел.

Случились эти встречи в годы чеченской войны, в 90-х...

Как-то очень рано утром я подъехала к источнику. Никого народу не было. Я набрала воды и стала привязывать канистру к багажнику велосипеда. Вдруг на шоссе остановилась военная машина БМП, из нее

выбежал офицер и побежал к роднику на небольшом пустым баллоном. Он быстро подошел к кресту около источника, снял берет, держа в левой полусогнутой по-военному руке. Меня он не замечал, и это дало возможность его рассмотреть. Офицер был красив, с черной бородкой, очень крепкого телосложения. Грудь его вся была увешана боевыми наградами. Я догадалась, что он из Чечни. Присмотревшись, я поняла, что он читает молитву... За кого он молился? За убиенных своих друзей-однополчан? За тех, кто остался жив? За кого?..

Мне стало неловко, как бывает, когда невольно подсматриваешь состояние человека, которое не всем можно показывать. Успокаивало что он не обращает на меня внимания. По званию он был капитан. Офицер стоял долго. Лицо у него было мужественное и углубленное в себя. Он перекрестился несколько раз. Затем быстро набрал воды из источника и побежал к машине. Это была первая моя встреча с капитаном. Я, конечно, рассказала об увиденном Юре. Он посуровел лицом и очень пожалел, что сам всего этого не видел.

Вторая встреча произошла около недели спустя. Среди дня подъехала я на велосипеде к источнику, заняла очередь. Смотрю, опять на шоссе остановилась та же машина, и из нее выбежал тот же капитан. В отличие от прошлого раза, сейчас народу у источника было очень много. Кто-то сидел на скамеечке, кто-то стоял. Капитан подошел к кресту и стал молиться. Мужики постарше посматривали на него с некоторой, я бы сказала, неловкостью. Перед ними предстал офицер с той далекой и безумной войны. Люди молча наблюдали за офицером. Он помолился, перекрестился трижды и хотел спросить, за кем ему стать в очередь. Все расступились, уступая ему еще до того, как офицер задаст вопрос. Он сдержанно и очень вежливо поблагодарил, набрал воды. Одна бабушка подошла и протянула ему яблоко со словами:

— Береги себя, сынок!..

Офицер несколько смущенно взял угощение, наклонил голову и сказал:

— Спасибо вам, православные!..

У меня от увиденного перехватило дыхание.

Его ждали. Капитан легко вскочил на подножку, и машина двинулась дальше.

Больше всего я переживала, что этого опять не видел Юра. Когда я рассказала ему о второй встрече с офицером, он очень расстроился и сказал, что нашел бы о чем поговорить с этим офицером. Но рассказ об этих встречах не породил в нем стихотворных строк.

Зато другая, очень необычная встреча, откликнулась в душе Юры стихотворением «Пришла старуха из Чечни...». Произошло это апрельским солнечным утром 2000 года. Юра уже стал реже выбирался со мной на прогулки, даже в его любимую Печерскую обитель.

Какой теплый стоял апрель! Весна была ранняя, снег сошел, и на солнце уже пробивалась травка. Я вышла с собаками очень рано, на рассвете. Спустилась с собаками по проезжей дороге и пошла к главным воротам монастыря. В то время монастырь был уже действующий, но внешняя сторона его была еще не так благоустроена, как сейчас.

Подходя мимо входа в монастырь, я увидела очень высокую женщину, которая стояла ко мне спиной и крестилась на надвратную икону. Была она очень высокого роста, худощавая до того, что можно было сказать — истощенная, одета во все черное, почти по-монашески: черный платок, черная одежда до пят. Поначалу я и приняла ее за монашку. Рядом на земле играл мальчик лет восьми-девяти. Он что-то строил из камней, палок. Увидел собак и очень обрадовался, ничуть не испугавшись. Встал, собаки подбежали к нему, стали ласкаться. Женщина перестала креститься, обернулась и вдруг неожиданно поклонилась мне в пояс и произнесла торжественно и естественно одновременно:

— С праздником, православные!..

Я ответила ей тем же приветствием, но спросила, с каким она праздником меня поздравляет. Женщина сказала:

— Да как же не праздник! Не стреляют у вас. Не гонят.

Я совсем растерялась. Согласитесь, нам, в нашей жизни, было бы странно назвать это праздником, а есть, оказалось, и такая жизнь, где это можно назвать праздником. Я присмотрелась к женщине. Лицо ее было настолько правильное и красивое, что напоминало лико иконописное. Лет ей было около шестидесяти, но она очень молодожаво выглядела. Я спросила, что же с ними произошло, откуда они. И женщина поведала мне краткую историю, которая поразила меня до глубины души. Она рассказала, что пробирается с внуком из Чечни.

— Да как же вы добираетесь и куда? — спросила я.

— А вот так, милая, едем, ищем, где пристроиться. Денег у нас нет, родных тоже. Были, да всех в Чечне убили. Русские мы. Ни дома, ни вещей не осталось. Вот вдвоем с внуком только и уцелели.

При этом мальчик не по-детски сурово посмотрел на меня; мне показалось, что он хотел понять, верю ли я бабушке. Видимо, многие на их пути не верили ей, и это очень травмировало его душу. Я поверила.

Так захотелось им помочь! Стала думать, что же предпринять. Как бы угадав мои мысли, женщина просто и с достоинством сказала:

— А вы не беспокойтесь за нас. Мы с внуком в храмах останавливаемся, работаем, помогаем православным, чем можем, тем и кормимся. Утро-то раннее, поэтому не хотим пока в храме никого беспокоить. Мы ведь не нищие и не побирушки. Сил пока хватает. Да и то сказать, благодать-то у вас какая! А собаки ваши очень добрые, ласковые.

Собаки и впрямь ласкались к женщине и ребенку, тыкались мордами им в руки. Я пожелала им добра и пошла. Оглянулась. Женщина стояла, держа мальчика за плечи. Она махала мне рукой. Было в этой встрече что-то удивительное, ощущение какого-то нереального видения: они стояли, как образы на иконе. Я тоже помахала им рукой, подозвала собак и пошла дальше. Не могла сдерживать слез. Мучила вина и перед этой женщиной, и перед мальчиком. Что-то надо было сделать, помочь. А я ушла. Но как привлекательно ее чувство достоинства! Потом я припоминала, что с собой у них был только узелок, завязанный по старинке. Я вдруг подумала — может, у них вещи в багажном, на вокзале. И тут же поняла свою глупость: у них просто нет с собой ничего другого.

Дома рассказала, конечно, Юре все буквально с порога, не сдерживая слез. Прошло минут пятнадцать, а Юра уже читал мне свое стихотворение «Пришла старуха из Чечни...»

*Пришла старуха из Чечни
И привела с собою внука.
Нет в Нижнем близких, Нет родни,
Чужая в новизне округа.*

*Пришла в Печоры в ранний час,
Промолвив тем, кто подал хлеба: —
Как, люди, празднично у вас:
Обитель, Благовест и небо.*

*И православный мир в тиши!
Никто не гонит, Не порочит.
У горькой загнанной души
Вдруг синью воссияли очи.*

*Молясь пред Божьей красотой,
Она без жалобы и стона
Стояла рядом с сиротой,
Как Богоматери икона.*

А спустя полмесяца я встретила эту женщину на Среднем рынке. Нельзя было не заметить очень высокую, статную, красивую женщину. Была она одета все так же во все черное. Я увидела ее издаека и почти побежала за ней спросить, как они с внуком устроились. Но она так стремительно передвигалась среди толпы покупателей с большой кошелькой в руках, что я так и не догнала ее, потеряла из виду. Как хочется пожелать ей, такой мужественной, достойной женщине, выстоять в этой жизни! Но если уж она сберегла, спасла внука в войну, хочется думать, что выдержит все остальное, научив и мальчика бороться. Юра был очень взволнован и рад, когда я ему рассказала об этой встрече на рынке. Значит, приютили их в храме.

— Занятно, она даже не знает, что помогла мне написать стихотворение о ней.

Потом помолчал и добавил тихо:

— Храни их Бог...

Со временем Юра не мог ходить со мной к источнику: стали болеть ноги. Он очень тяжело переживал это.

Я как-то решила сходить с нашими борзыми на берег. Юра провожал меня в коридоре. Взгляд был такой грустный, что у меня вся душа перевернулась от жалости. Он смотрел, как я собираюсь, подошел и тихо-тихо сказал:

— Принеси мне печерской водицы...

Я, стараясь выглядеть бодро, ответила:

— Конечно, Юрашка.

Всю дорогу было очень тяжело на душе. Все, что видела вокруг, мысленно передавала привет от Юры.

А когда пришла домой, он нетерпеливо вышел ко мне навстречу и прямо в коридоре прочитал стихотворение, которое так и начиналось: «Принеси мне Печерской водицы...»:

*Принеси мне Печерской водицы
От церковного родника!
Там у желоба звонко дробится
Серебристый поток холодка.*

*Став давно прихожанином храма,
Студенец с изначальных времен
Приносил возле Волги упрямо
Свету божьему низкий поклон.*

*Чтоб к святой красоте приобщиться,
Здесь ладони слагают в ковши...
Принеси мне Печерской водицы,
Надо боль охладить у души!*

*Пусть увижу знакомые лица
И биение близких сердец.
Вновь врачует печерской водицей
Всех любя, родничек-студенец.*

Было это 27 марта 2000 года. Я очень люблю это стихотворение, оно для нас с Юрой напоминало наши хождения по Печерской обители, многие встречи, которые происходили у этого родника, его любимые места, Волгу, Печерский остров, — все доброе, что пронесли мы с ним по жизни.